

ОЛЬГА КАРАЧ

Гражданская кампания «Наш Дом»

доклад на конференции

«Пятый срок правления Александра Лукашенко: перспективы Беларуси и белорусско-российских отношений»

На сегодняшней конференции нам предстоит рассмотреть три основных вопроса. Первый – как будет развиваться экономика Беларуси в следующие пять лет правления Лукашенко, будут ли реформы, и если будут – то какие именно. Второй вопрос – переформатирование политической картины в стране. Как изменятся сегодняшние расстановки во власти и в оппозиции, смогут ли за предстоящие пять лет сформироваться новые центры силы, и с чем мы придём к президентским выборам 2020 года. Наконец, третий вопрос, – как все эти годы будут развиваться белорусско-российские отношения, а также отношения внутри Евразийского экономического союза.

Итак, что касается экономических реформ. Знаете, сейчас Беларусь впервые в своей истории оказалась в очень необычном положении. Нынешние власти, то есть Лукашенко и его окружение, с 1994 года блокировали реформы – блокировали приватизацию, сохраняли плановую квазисоциалистическую систему, сохраняли колхозы и совхозы – и соответствующую модель экономических отношений в агропромышленном комплексе. Но в 2015 году уже не только независимым экономистам, но и чиновникам всех уровней стало очевидно: так называемая «белорусская модель» экономики, демонстрировавшая успехи с 1999 по 2010 годы, полностью исчерпала себя. Просто потому, что она держалась (и держится до сих пор) на российских субсидиях в разных формах – от от сверхдешёвых энергоносителей до бесконечных межгосударственных кредитов и прямых субсидий, которые многие эксперты оценивают в \$10 миллиардов ежегодно.

И вот теперь что получается? Руководство страны сегодня готово к реформам. Готово прежде всего морально, даже, я бы сказала, ментально. И это впервые за последний 21 год. Но проблема в том, что к экономическим реформам не готово общество. Власть все свои действия с 1994 года прикрывала тем, что она строит в Беларуси социальное государство. Государство, в котором будут сохранены рабочие места, бесплатная медицина, бесплатное образование, хорошие дороги, низкие тарифы на жилищно-коммунальные услуги и так далее.

И после 1999 года в этом плане действительно было сделано очень много. Вот только народу власть предпочитала не объяснять, что источник этого относительного благополучия – прежде всего щедрые российские субсидии и дешевые энергоносители. Вместо этого белорусская власть заключила с народом неофициальный социальный договор: власть обеспечивает белорусам некий определённый и практически гарантированный уровень доходов, социального обеспечения, а люди взамен не лезут в политику, не поддерживают оппозицию, не требуют свободы СМИ, но послушно приходят на выборы и голосуют за действующую власть.

В результате сегодня мы имеем то, что имеем. А именно: хотя за 2015 год реальные доходы белорусов значительно упали (а доступные социальные блага сократились), тем не менее, граждане страны очень привыкли к тому, что государство их не бросит, государство обеспечит некий уровень жизни. Как в Советском Союзе – не зря же до сих пор Беларусь называют «заповедником социализма». Но такое мировоззрение начисто убивает собственную инициативу людей, прежде всего предпринимательскую. И вот теперь власть готова пойти на реформы – но к этим реформам не готов народ.

В самом конце 80-х и в начале 90-х в Восточной Европе и на постсоветском пространстве мы видели обратную картину: народ требовал реформ, а верхушка власти была к ним не готова – и власть сменялась. Но в Беларуси теперь ситуация такова, что массовые протесты может вызвать скорее начало по-настоящему рыночных экономических преобразований. Ведь известно – и мы это видели на примере тех же стран Европы, ушедших от социализма, – что первые два-три года рыночных реформ неизбежно влекут за собой резкое снижение уровня жизни в стране. А работать, наоборот, приходится намного больше. Как результат, власть в стране начинает раз за разом меняться. Вспомните, как часто менялись правительства в Восточной и Центральной Европе в 90-е годы.

То есть Лукашенко понимает, что реформы могут означать скорый финал его правления. Но он понимает и то, что если эти реформы не проводить, то падение уровня жизни может стать настолько фатальным, что повторится сюжет 1989 года в Румынии, когда казавшегося незыблемым Николае Чаушеску толпа смела и казнила буквально за несколько дней. Поэтому, кстати, Беларусь и залазит всё глубже в долги. В 2005 году у нас был ноль иностранной задолженности, а сегодня – около 40 миллиардов долларов, если суммировать долги государства и госкомпаний зарубежным кредиторам. То есть деньги берутся в долг, чтобы просто обеспечить гражданам, электорату некий приемлемый уровень жизни.

Однако же и о реформах в 2015 году говорилось очень много. Говорилось перед выборами, и особенно в месяц, непосредственно предшествовавший выборам. Всё это подробно описано в нашем докладе. Но что произошло сразу после выборов президента? После бурного обсуждения возможности проведения в Беларуси экономических реформ, структурных реформа, маятник качнулся в другую сторону. Начались попытки доказать, что никакие структурные реформы в Беларуси не нужны, а наоборот, надо сохранить неизменной существующую социально-экономическую модель.

При этом президент, как и «охранители» из его окружения:

- полностью игнорируют тот факт, что именно централизованное государственное регулирование и планирование, существующие в Беларуси все последние 20 лет, и привели к значительному спаду в экономике;
- уверены в том, что от реформ одни неприятности;
- считают, что рынку можно отвести только вспомогательную роль – да и то с оговорками.

Надо учитывать, что последние 10-15 лет государственная пропаганда добивалась того, чтобы само слово «реформа» в Беларуси было ругательным. Чтобы оно ассоциировалось с лихими 90-ми, с «прихватизацией», позже – с Майданом. И пропаганда в этом деле определенных успехов достигла. Даже, скажем так, немалых успехов. Но теперь власть оказалась перед тем, что надо как-то развернуться на 180 градусов, согласиться на реформы, пойти на них, но при этом не потерять лицо и сделать так, чтобы не были заметны противоречия между прежними заявлениями и новыми. Из-за этого и приходится играть словами. То есть, по-моему, давно принято решение, что реформам быть.

Однако с телеэкранов президент, премьер, прочие чиновники и ведущие новостей будут говорить, что это вовсе не реформы, а модернизация экономики в ранее предусмотренных рамках. Хотя, думаю, сейчас в администрации президента, в Информационно-аналитическом центре при президенте, – там эксперты думают, как всё это назвать, чтобы оно не сильно противоречило предыдущим многолетним заявлениям. То есть это уже не экономическая тема, а вопрос политики и пропаганды – как лучше данные действия преподнести населению.

Но давайте посмотрим, какова сейчас реальная ситуация в белорусской экономике? По сути, она попала в замкнутый круг. У людей низкие реальные зарплаты. В результате в Беларуси очень сильно сжался внутренний спрос, люди не могут покупать какие-то излишки. Производители не могут генерировать выручку из-

за этого. А не имея выручки, они не могут модернизировать свои производства, чтобы повышать производительность труда и зарплаты.

Чтобы разорвать этот замкнутый круг, нужно сделать страну привлекательной для инвестиций, нужно предложить внешнему рынку дешёвые и качественные товары, для чего сперва придется поменять всю систему управления госпредприятиями. Есть сферы в стране с высокими зарплатами, а значит, с высокой добавленной стоимостью. Таким образом, в стране видно, по каким направлениям следует перераспределять госинвестиции. Варианты есть, пути реализации тоже. Нет одного: политического решения проводить реформы.

Действительно, вроде все понимают, что белорусскую экономику нужно реформировать. Но, несмотря на идущие широкие экспертные и общественные дискуссии, вопрос упирается в одного человека. И этот человек никаких перемен не хочет. Давайте посмотрим, почему.

Во-первых, начать глубокие реформы (а другие не спасут) – значит признать исчерпанность «уникальной белорусской экономической модели». Казалось бы, можно сказать: «Она дала свои плоды, переходим к чему-то новому», – но и это психологически сложно для Александра Лукашенко.

Дело в том, что на начальных этапах реформ не избежать резкого снижения уровня жизни населения на короткий (а может, и не очень короткий) срок. Первыми от этого пострадают как раз те, на кого белорусский президент привык опираться, с кем он разговаривает в своих поездках по стране – рабочие промышленных гигантов, сельчане, бюджетники и т. д. Условный «свядомы Минск», или, как говорят в России, «креативный класс», уже вряд ли перейдет под знамена власти, а вот риск потерять традиционных сторонников вполне реален.

Во-вторых, структурные реформы невозможны без раскрепощения бизнеса с одной стороны и приватизации – с другой. Что это значит для Александра Лукашенко? Он не сможет прийти на какой-нибудь МАЗ, «Борисовдрев» и «Мотовело» (или на то, что от них останется) и прямо в цеху уволить директора, приказать модернизироваться, никого не сокращать, нарастить выпуск продукции, продать её тому-то и по такой-то цене. Кто-нибудь вообще представляет себе белорусского президента без таких полномочий? А сохранить их не получится, если реформы делать не для галочки, а на самом деле.

Дальше – больше, на следующих этапах реформ в стране появится крупный бизнес. В лучшем для власти случае он будет зависим и лоялен, по модели Казахстана или Армении. В худшем – приведет к появлению белорусских олигархов. Два сценария различаются степенью того, насколько силен будет голос крупного

бизнеса, как много вопросов президенту придется с ним согласовывать. Но в любом случае у бизнеса и его лидеров появятся рычаги экономической власти в стране, самостоятельность в том, что касается своих сфер собственности (иначе это не собственник, а распорядитель).

Влиятельный арбитр между кланами – роль вполне почётная и необязательно политически опасная. Такой статус-кво может десятилетиями устраивать всех игроков, уже упомянутые Казахстан или Армения тому примеры. Но тут мы снова возвращаемся к психологии: «Батка» может быть только полноправным хозяином в своей стране, а не арбитром. Ни у кого не должно быть права вето на решения президента, только совещательный голос. А такая модель с полноценной приватизацией совместима слабо.

Ну и, наконец, долгосрочные последствия реформ. Я не уверена, что президент берет их в расчет в первую очередь, но, скорее всего, учитывает. Экономическая либерализация неизбежно сократит сегодняшний запредельный процент белорусов, работающих в госсекторе. Людям придется «вертеться», создавать свой малый бизнес, переквалифицироваться и часто менять места работы.

Психология «частника», предпринимателя и даже сотрудника частной компании и психология рабочего госпредприятия с многолетним стабильным местом работы – это две большие разницы. В Беларуси разрастётся полноценный средний класс, люди с самостоятельным мышлением, почти не зависимые от государства. Уже сегодня, как показывают опросы, такие люди отличаются по своим политическим взглядам от большинства.

Экономически свободные люди чаще, чем бюджетники, склонны требовать политической свободы. Не обязательно, что они выйдут на улицу, но управлять таким народом будет куда менее комфортно. В повседневность могут вернуться забастовки и независимые профсоюзы, с которыми придется считаться. И это вдобавок к белорусским «олигархам» – в кавычках или без.

На выходе из реформ Беларусь окажется другой страной. Это означает, что кроме консервативной системы президенту придется сломать не менее консервативного себя. А насколько реально такое в 60 лет, с 21-летним опытом авторитарного правления за плечами?

Ольга Карач

26 января 2016 года